ВЫСТАВКА

Светлана ПАРСЕГОВА. Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ

Люди и время Татьяны Назаренко

Народный художник РФ, академик Российской академии художеств, классик, добившийся мировой известности, Татьяна Назаренко до сих пор работает так, что ее выставки устраиваются в Вашингтоне, Париже, Кельне, Бонне... Но Татьяна Григорьевна больше всего любит и ценит музейные залы старинных русских городов.

0+ Art non-stop – ежегодный фестиваль современного искусства вновь открылся в стенах Ярославского художественного музея. И стартовал он 16 марта вернисажем Татьяны НАЗАРЕНКО – одного из самых ярких и значительных представителей отечественного искусства XX века. Открытие выставки стало еще и местом встречи ярославцев с признанным мастером советской и актуальной русской живописи.

– Нигде тебя лучше не поймут, чем на родной земле, в России, – убеждена Татьяна Григорьевна. – И я счастлива, что мои работы увидели свет в Ярославле, в стенах музея, где специалисты организовали экспозицию на самом высоком уровне. Была здесь полгода назад на выставке Александра Петрова, которая произвела глубочайшее впечатление! А теперь в залах ЯХМ – мои картины. Для художника чрезвычайно важно внимание, обратная связь. Мы же одиночки, сидим у себя в мастерской, пишем... И когда нас приглашают, выставляют для людей то, что мы сделали, мы видим их глаза, их реакцию – это счастье!

Интересно, что многолетний друг Ярославского художественного музея, известный реставратор Савелий Ямщиков, во многом повлиял на живописную манеру, узнаваемый «наивный» стиль Татьяны Назаренко.

– Какие домашние концерты устраивал Савелий Ямщиков, каких собирал людей, – вспоминала Татьяна Григорьевна в одном из своих интервью. – Савелка открыл нам русское искусство, которого мы, как это ни странно, совсем не знали, – провинциальный портрет XVIII-XIX веков. Он ездил по музеям в глубинке, в запасниках обнаруживал потемневшие холсты, реставрировал их в своей мастерской, спасал. Потом выставил, и это оказались совсем не тот реализм и не те передвижники, что в Третьяковке. Тогда же у нас началось хождение по мастерским художников, которые не выставлялись, – мы смотрели их работы.

Татьяна Назаренко стала звездой еще в самом начале своего профессионального пути, в 1970-е. Именно тогда она точно попала в настроения советских интеллектуалов, тех самых «кухонных посидельщиков с гитарами», которые потом издавали «Метрополь», устраивали квартирники и ездили по деревням, чтобы покупать у бабушек иконы.

В своих произведениях мастер соединяет традиции классического искусства, советской реалистической школы и приемы различных авангардных направлений XX века. Художник работает во всех жанрах: натюрморт, пейзаж, портрет, бытовые сцены.

Татьяна Назаренко создает особую живописную реальность, в которой время, история – это категории, составляющие единое пространство, главное в котором – человек. И основу выставки в ЯХМ составляют живописные произведения 2000 – 2010-х годов, написанные в гротесковой, той самой «наивной» манере, которую простодушный зритель вполне может определить как основную, в которой художник работал всю жизнь, потому что вроде как не умеет иначе. В экспозицию вошли работы, посвященные сельским праздникам, летнему отдыху, жизни русской провинции и досугу европейской публики.

– Татьяна Григорьевна интересуется человеком, даже так – Человеком вообще, – подчеркнул **куратор фестиваля Art non-stop, замдиректора ЯХМ Алексей ФЕДОРЧУК**. – У нее нет «забытых», не заслуживающих внимания людей. Ей каждый интересен! Причем искренне, сочувственно, не отстраненно, а всей душой. И цвет художник использует очень органично – действительно уместный именно к этому действу, к этим людям.

В групповых портретах Назаренко неизменно подчеркивается единство духовно близких людей, дружеского круга, в котором не пропасть поодиночке. Присутствует и тема карнавала, тоже модная, не по-советски праздничная. В отдельном зале – персонажи из знаменитой инсталляции «Переход», созданной художником в постперестроечные времена.

«Переход» – это более 100 вырезанных в натуральную величину и правдиво раскрашенных фанерных фигур, изображающих обитателей подземных переходов, где в «лихие 90-е» старухи, молодухи, пропойцы, пройдохи и калеки торговали чем попало или просто попрошайничали.

– Идея фанерных фигур-обманок родилась естественным образом, – вспоминает Татьяна Григорьевна. – С выставки в Вашингтоне вернулись мои работы, запакованные в громадные ящики из роскошной белой фанеры. Я начертила силуэт подружки. Потом вырезала, поставила и пошло: рисовала персонажей из перехода на фанере, муж Саша их выпиливал, я красила. Когда открылась выставка на Крымском валу, а там было столпотворение, одна дама закричала: «Где она взяла таких уродов?! Это же надо найти такое!» Но ведь это все нас окружало тогда, и не увидеть прототипов было невозможно – я же никого не придумала, они все реальные, с портретным сходством. После ЦДХ «Переход» пригласил Музей истории Москвы, притом попросили сделать еще и витрину с реальными вещами бомжей. Я принесла войлочные сапожки мамы, ее старенькую тележку, с которой она ходила за продуктами, сняла с сына потрепанную куртку. Потом толпа моих бездомных и нищих переправилась в Госдуму, и депутаты были ошеломлены.

Многие критики писали о связи творчества Назаренко со старыми мастерами, например с гротескными персонажами Питера Брейгеля. Действительно, и в названиях, и в сюжетах, и в композициях картин, представленных на выставке в ЯХМ, вход на которую, кстати, бесплатный для всех вплоть до 4 апреля, эта связь прослеживается. Но видится она скорее трагической, чем счастливой. Как не выглядят счастливыми люди – жители маленьких русских городков и сел – на ее полотнах.

– Мои герои и сейчас живут так, как жили 10, 20, 40 и даже 60 лет назад, – соглашается Татьяна Григорьевна. – Это действительно примета русского бытия в глубинке, в глубокой провинции – уклад, образ жизни, привычки, вкусы людей там не меняются. Такой замкнутый круг: жизнь остается застывшей во времени, потому что менталитет не меняется, а не меняется он именно потому, что жизнь застыла. Это не хорошо и не плохо – просто в деревне она такая, и к ней, той самой застывшей жизни, стремятся многие люди из больших городов.

